

С.А. Фомичев

Следственное дело

Следственное дело (1825–1826) Грибоедова было изучено впервые П. Щеголевым и издано им в 1905 году фототипически на архивной бумаге, что вплоть до настоящего времени приводит к неоднократным сообщениям о том, что якобы у того или иного лица сохранилось «подлинное следственное дело» драматурга. Действительно же оно хранится в ЦГАОР.

События, связанные с арестом и освобождением Грибоедова, развивались так. Николай I изначально подозревал Ермолова, командующего боевым Кавказским корпусом, в связях с заговорщиками. Вопреки опасениям императора, войска на Кавказе «приняли присягу в величайшем порядке и тишине», как сообщил вернувшийся в Петербург фельдъегерь. Николаю I, однако, показалась подозрительной задержка присяги на три дня — не выжидал ли Ермолов каких-то новых известий? Никак нельзя было забыть и новость откуда идущих слухов, возникших чуть ли не на следующий день после восстания, о том, что Кавказский корпус двинулся на столицу. Дело дошло до того, что один из иностранных посланников прямо спросил великого князя Михаила Павловича, далеко ли Ермолов со своими дивизиями и когда его ожидают в Петербурге.

В тот день, 26 декабря 1825 года, когда вместе со своими сослуживцами принимал присягу Грибоедов, в Петербурге шло уже девятое заседание Следственного комитета по делу о тайных обществах. На этом заседании было решено взять под арест несколько новых лиц, «оказывающихся по показаниям соучастниками в обществе мятежников, и представить императорскому величеству». Среди них значился и «служащий по дипломатической части у генерала Ермолова» Грибоедов.

Кроме того, отправляя в конце декабря к персидскому двору миссию во главе с князем А.С. Меншиковым, Николай I отдал ему секретное предписание собрать сведения о деятельности Ермолова и особо узнать о Грибоедове. Смысл последнего распоряжения проясняется инструкцией, составленной Меншиковым для своего подчиненного, полковника Ф. Бартоломея. Здесь в числе прочих пунктов, намечающих цель негласной ревизии, наряду с поручением узнать о «духе войска и их начальников», о «порядке службы», о «наклонности народа к покорности или возмущению» значится лишь одна фамилия: «Беречься Грибоедова и собрать о нем сведения» (первоначально этот пункт формулировался иначе: «Кто такой Грибоедов, какого он поведения и что о нем говорят»). Дело в том, что 23 декабря на вопрос «Не существуют ли подобные общества в отдельных корпусах и в военных поселениях и не известны ли вам их члены», князь Трубецкой отвечал Следственному комитету:

«Генерал-майор Волконский говорил мне, что есть или должно быть, по его предположению, какое-то общество в Грузинском корпусе, что он об этом узнал на Кавказе, но неудовлетворительно о том говорил и, кажется, располагал на одних догадках. Я знаю только из слов Рылева, что он принял в члены Грибоедова, который состоит при генерале Ермолове».

Это показание шло навстречу подозрениям Николая I. Обезвреженная в Петербурге и на Юге «революционная зараза», как опасался император, затаилась, однако, на Кавказе. Было проверено, откуда шли слухи о Кавказском тайном обществе. Оказалось, от Якубовича, сосланного некогда на Кавказ за участие в дуэли, но бывшего в Петербурге на лечении и принявшего участие в бунте. Впрочем, как стало ясно Николаю I, вовсе не Якубович был связующим звеном между Петербургом и Кавказом: он был криклив, неосторожен — такому человеку заговорщики не могли доверить дипломатической миссии.

В то время в Петербурге находился в отпуске адъютант Ермолова, штабс-капитан Московского полка Н. Воейков. Правда, в восстании он не принимал участия. Но ведь

служил он у Ермолова. И был приписан к мятежному полку. Это показалось не случайным совпадением. Штабс-капитана арестовали. Его пришлось, однако, освободить, так как он ничего о тайных обществах не знал.

И вот теперь показание Трубецкого, как казалось, открывало искомую связь. 24 декабря допросили о Грибоедове Рылеева. Он показал:

«Грибоедова я не принимал в общество: я испытал его, но, нашед, что он не верит преобразовать правительство, оставил его в покое. Если он принадлежит обществу, то мог его принять князь Одоевский, с которым он жил, или кто-нибудь на юге, когда он там был».

Одоевский все отрицал, но ему нельзя было верить.

26 декабря Следственный комитет постановил взять Грибоедова под арест. На следующий день это постановление было высочайше утверждено. Однако лишь спустя неделю, 2 января 1826 года, появилось Отношение № 52 военного министра на имя Ермолова об аресте Грибоедова, и после этого еще через несколько дней отправился на Кавказ за Грибоедовым фельдъегерь Уклонский. Задержка, очевидно, была вызвана причинами довольно деликатными. Заманчиво было бы арестовать Грибоедова врасплох, не предупреждая об этом Ермолова. Но если поступить так, не обернется ли дело еще хуже? Узнав о внезапном аресте своего чиновника (доверенного лица!), Ермолов мог понять, что и его подозревают. Кто знает, какой приказ своим войскам он тогда бы отдал! Император решил не рисковать, не действовать через голову командующего корпусом. В конце концов, важно было доставить ермоловского любимца в Петербург и здесь выяснить все обстоятельства дела.

22 января Уклонский прибыл в Грозную. Ермолов в то время сидел у коменданта крепости. Фельдъегерь, приглашенный в комнату адъютантом Талызиным, вручил генералу пакет. Стоя за спиной Ермолова, Талызин из-за его спины прочитал отношение военного министра:

«По воле государя императора покорнейше прошу ваше высокопревосходительство взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург прямо к его императорскому величеству».

Генерал между тем приказал подавать ужин, пригласив приезжего разделить походную трапезу. Талызину было вполголоса отдано какое-то распоряжение, и тот вышел, поманив за собой здесь Грибоедова. Ужин был незатейлив, но за разговорами просидели у стола больше часа. За это время Грибоедов успел привести в порядок свои бумаги. Начали готовиться к ночлегу, но вошли поздние гости: дежурный по отряду полковник Мищенко, Талызин и петербургский фельдъегерь. «Александр Сергеевич, – предупредил Мищенко, – воля государя императора вас арестовать. Где ваши вещи и бумаги?» Грибоедов указал на два переметных чемодана, стоявшие на полу, в головах походной постели. Чемоданы вскрыли. Бумаг там оказалось немного — их зашили в холст, опечатали и отдали под расписку Уклонскому. Ночевал Грибоедов в особом домике, под охраной часовых.

На следующее утро арестованного отправили в станицу Екатериноградскую, где следовало дожидаться прибытия из Владикавказа остальных его вещей, которые предписано было осмотреть фельдъегерю.

Между тем события шли своим чередом. За день до прибытия Уклонского на Кавказ князь Евгений Оболенский, раньше стойко державшийся на допросах, был сломлен притворно ласковым отношением к нему Николая I. По высочайшему разрешению 21 января узника допустили к причастию и вслед за тем передали письмо от отца. Когда Евгения арестовали, старый князь тяжело болел. Евгений был в отчаянии. Удар, который он невольно нанес больному, мог оказаться смертельным. И вот — письмо, на которое нельзя

было и надеяться. Отец был жив, он молил сына во всем откровенно признаться, уповал на великодушие государя.

К своему покаянному посланию Евгений Оболенский приложил список известных ему членов тайного общества. Входивший в Коренную думу Северного тайного общества со времени его образования, Оболенский знал, о чем писал. Всего был назван им 61 человек — из них впоследствии только двоим удалось оправдаться в ходе следствия. О Грибоедове говорилось, что тот был принят в общество месяца за два или три до 14 декабря.

Еще Грибоедов не выехал из Екатериноградской, а следствие в Петербурге уже предполагало и свидетельством полковника Артамона Муравьева о том, что несколько месяцев назад проездом через Киев Грибоедов встречался с Сергеем Муравьевым-Апостолом и Михаилом Бестужевым-Рюминым. Показание Муравьева особо заинтересовало следственную комиссию — позже именно этим документом будет открыто следственное дело Грибоедова. Нетрудно понять, почему. Крайне подозрительным было путешествие Грибоедова летом 1825 года от петербургских заговорщиков к южанам и далее — на Кавказ, к Ермолову.

Всего этого Грибоедов не знал. Пока он был уверен в одном: Ермолов не выдаст. Действительно, тот писал начальнику штаба армии:

«Господин военный министр сообщил мне высочайшую волю взять под арест служащего при мне коллежского асессора Грибоедова и под присмотром прислать в Петербург прямо к его императорскому величеству. Исполнив сие, я имею честь препроводить господина Грибоедова к вашему превосходительству. — Он взят таким образом, что не мог истребить находившихся у него бумаг, но таковых при нем не найдено, кроме немногих, кои при сем препровождаются. Если же впоследствии могли быть отысканы оные, я все таковые доставлю. В заключение имею честь сообщить вашему превосходительству, что господин Грибоедов во время служения его в миссии нашей при Персидском дворе и потом при мне как в нравственности своей, так и в правилах не был замечен развратным и имеет многие весьма хорошие качества».

30 января в Екатериноградскую прибыли наконец из Владикавказа чемоданы Грибоедова (их до того успел очистить от опасных бумаг Н. Огарев). Бумаги же, там обнаруженные, опечатали и вручили Уклонскому, которому перед отправкой из крепости Грозной офицеры дали напутствие беречь и не притеснять узника. Еще по пути в Москву Грибоедов мог выяснить, что С. Бегичева власти не тронули — Уклонский наверняка бы слышал о привезенном из Москвы узнике. Впрочем, Грибоедов попросил в Москве захватить не к нему, а к его брату Дмитрию. Пока фельдъегерь навещал своих московских родственников, было послано и за Степаном Никитичем и удалось вместе с ним всерьез обсудить положение дел.

11 февраля Грибоедов прибыл в Петербург, и прежде всего он был подвергнут допросу генералом Левашовым. В дело Грибоедова, наряду с показаниями заговорщиков, легла новая страница — записанные генеральской рукой со слов арестанта показания:

«Я тайному обществу не принадлежал и не подозревал о его существовании. По возвращении моему из Персии в Петербург в 1825 году я познакомился посредством литературы с Бестужевым, Рылеевым и Оболенским. Жил вместе с Одоевским и по Грузии был связан с Кюхельбекером. От всех сих лиц ничего не слышал могущего дать малейшую мысль о тайном обществе. В разговорах их я видел часто смелые суждения насчет правительства, в коих сам я брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего. Более никаких действий моих не было, могущих на меня навлечь подозрения, и почему оное на меня пало, истолковать не могу».

После этого Грибоедова препроводили на гауптвахту Главного штаба, под которую наспех была оборудована квартира начальника штаба Первой армии генерала Толя. Здесь содержались только те, на которых хотя и пало подозрение, но вина их еще не была доказана. Среди находившихся там оказался морской лейтенант Завалишин, с которым Грибоедов познакомился в 1825 году у Одоевского. С ним Грибоедов и поселился в небольшой комнате. Сохранился «Список лиц, содержащихся под арестом в доме Главного

штаба на 14 марта 1826 г.». В нем значатся генерал-майор Кальм, отставной польских войск генерал-майор граф Ходкевич, полковники Любимов и Граббе, майор Юмин, отставной майор кн. Шаховской, гвардии капитан Сенявин, губернский предводитель кн. Баратаев, лейтенант Завалишин, коллежский асессор Грибоедов, отставной поручик Тучков, дворовый человек г-жи Анисимовой Кудинов и рядовой Теленков.

Надзор за заключенными был поручен капитану Жуковскому, который Грибоедову был знаком по Московскому университету. На допросы Грибоедова несколько дней не вызывали. Узнав от заключенных, что обычно в первый день ареста с узниками беседовал император, Грибоедов решил ему написать:

«Всемиловейший государь! По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника, мною любимого, из крепости Грозной на Сундже, через три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул, потом был вызван к генералу Левашову. Он обошелся со мною вежливо, я с ним — совершенно откровенно, от него отправлен с обещанием скорого освобождения. Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. В проезд мой из Кавказа сюда я тщательно скрывал мое имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг до моей матери, которая могла бы от того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточение, то, конечно, и от нее не укроется. Ваше императорское величество сами питаете благоговейнейшее чувство к вашей августейшей родительнице... Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня пред Тайный комитет лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете».

Послание Грибоедова легло в его следственное дело. Начальник штаба армии Дибич надписал на письме:

«Объявить, что этим тоном не пишут государю и что он будет допрошен».

Пока же о Грибоедове были опрошены 14 февраля его друзья. Одоевский отвечал кратко, что Грибоедов ни к какому обществу не принадлежал. Рылеев подтвердил первоначальные свои показания. Обратились за разъяснением к Трубецкому. Тот отвечал:

«Разговаривая с Рылеевым о предположении, не существует ли какое общество в Грузии, я также сообщил ему предположение, не принадлежит ли к оному Грибоедов, Рылеев отвечал мне на это, что нет, что он с Грибоедовым говорил; и сколько помню, то прибавил сии слова: “он наш”, — из коих я и заключил, что Грибоедов был принят Рылеевым».

Александр Бестужев показал следующее:

«С Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим, я нередко мечтал о преобразовании России. Говорил даже, что есть люди, которые стремятся к этому — но прямо об обществе и его средствах никак не припомню, чтобы упоминал. Да и он как поэт желал этого для свободы книгопечатания и русского платья. В члены же его не принимал я, во-первых, потому что он меня старше и умнее, а во-вторых, потому что не желал подвергнуть опасности такой талант, с чем и Рылеев был согласен. Притом же прошедшего 1825 года зимою, в которое время я был знаком с ним, ничего положительного у нас не было. Уехал он в мою бытность в Москве, в начале мая, и Рылеев, говоря о нем, ни о каких поручениях не упоминал. Что же касается до распространения членов в корпусе Ермолова, я весьма в том сомневаюсь, ибо оный, находясь вне круга действий, ни к чему бы нам служить не мог».

Не признали Грибоедова товарищем по заговору и члены Южного общества, опрошенные спустя пять дней. На вопрос же о связи с Ермоловым, заданный каждому из них, ответил один Бестужев-Рюмин, но ответил так:

«Не зная ни истинного образа мыслей, ни характера Грибоедова, опасно было его принять в наше общество, дабы в оном не сделал он партии для Ермолова, в коем общество наше доверенности не имело».

Версию о Грибоедове как о ермоловском комиссаре Северного и Южного тайных обществ доказать не удавалось.

24 февраля Следственный комитет приступил к допросу Грибоедова. Его доставили в Петропавловскую крепость, провели в дом коменданта, там по заведенному порядку накинули на голову Грибоедова покрывало и повели в зал заседания, где повязку скинули. Среди членов Следственного комитета Грибоедов увидел своего родственника, генерала Паскевича. После первого допроса Грибоедову были вручены вопросные пункты, на которые надлежало ответить письменно, не противореча очному следствию. Заполнял следственный документ Грибоедов, вероятно, уже на гауптвахте.

«— ...Не были ль под судом, в штрафах и подозрении и за что именно?

— Под судом, в штрафах и подозрении не бывал <о следствии по делу о «дуэли четверых» было умолчено>.

— В начале первого показания своего вы, отрицаясь от принадлежности к числу тайного общества, изъяснялись далее так, что, будучи знакомы с Бестужевым, Рылеевым, Оболенским, Одоевским и Кюхельбекером, часто слышали смелые суждения их насчет правительства, в коих сами вы брали участие, осуждали, что казалось вредным, и желали лучшего. В том же смысле, но с большей важностью и решительностью Комитету известны мнения ваши, изъятые означенным лицам. Не только они, но князь Трубецкой и другие равно считали вас разделявшим их образ мыслей и намерений, а следственно, по правилам приема в члены, принадлежащим к их обществу и действующим в их духе. Убеждение сие основано было на собственных словах ваших, особенно после того, что Рылеев и Бестужев прямо открыли вам, что есть общество людей, стремящихся к преобразованию России и введению нового порядка вещей, говорили вам о многочисленности сих людей, о целях, видах и средствах общества, и что ответом вашим на все то было изъятие одобрения, желания и прочего.

— И теперь имею честь подтвердить мое показание. Князь Трубецкой и другие его единомышленники напрасно полагали меня разделявшим их образ мыслей. Если соглашался я с ними в суждениях о нравах, новостях, литературе, это еще не доказательство, что и в политических мнениях я с ними был согласен. Смело могу сказать, что по ныне открывшимся важным обстоятельствам заговора мои правила с правилами Трубецкого ничего не имеют общего. При том же я его почти не знал. Рылеев и Бестужев никогда мне о тайных политических замыслах не открывали и потому ответом моим на сокровенность их предприятий, вовсе мне неизвестных, не могло быть ни одобрение, ни порицание.

— В такой степени прикосновенности вашей к злоумышленному обществу Комитет требует показаний ваших о том, в чем именно состояли те смелые насчет правительства означенных вами лиц суждения, в коих вы сами брали участие? что именно находили вы притом достойным осуждения и вредным в правительстве и в чем заключались желания ваши лучшего?

— Суждения мои касались до частных случаев, до злоупотреблений местных начальств, до вещей всем известных, о которых в России говорится довольно гласно. Я же не только не способен быть оратором возмущения, много если предаюсь избытку искренности в тесном кругу людей кротких и благомыслящих, терпеливо ожидая времени, когда моя служба или имя писателя обратят на меня внимание высшего правительства, перед которым я был бы еще откровеннее.

— По показанию Оболенского, вы наконец дня за три до отъезда вашего из Петербурга решительно были приняты в члены тайного общества. Объясните, какого рода дали вы обещание неумышленно действовать в духе сего общества и какое вам дано поручение насчет приготовления умов к революционным правилам, в кругу вашего пребывания и распространения членов общества?

— Показание князя Оболенского совершенно несправедливо. Не могу постигнуть, на каких ложных слухах он это основал, не на том ли, что меня именно за три дня до моего отъезда приняли в Общество любителей русской словесности, которое под высочайшим покровительством издает известный всем журнал “Соревнователь” и от вступления в которое я долго отговаривался, ибо поэзию почитал услаждением жизни, а не ремеслом».

О киевской встрече с Бестужевым-Рюминым и Муравьевым-Апостолом Грибоедов отозвался как о случайной. Насчет же показанного во время допроса грибоедовского

письма к Кюхельбекеру отрицать было бы глупо, но в нем не было ничего особенно опасного.

Среди чиновников, обслуживающих Следственный комитет, было двое членов Вольного общества любителей российской словесности, Ивановский и Боровков, которые могли бы уличить Грибоедова, что его приняли туда за полгода до отъезда из Петербурга, а не за три дня до того. Но такую ошибку можно было потом объяснить забывчивостью. Да и «любители словесности» не стали уточнять.

На следующий день Следственный комитет обратился за разъяснениями к Оболенскому:

«Противу вашего показания о том, что коллежский ассессор Грибоедов был принят в члены тайного общества месяца за два или три до 14 декабря, он, Грибоедов, отвечает, что дня за два или три до отъезда из Петербурга он точно был принят в общество, но только в высочайше утвержденное, издающее журнал “Соревнователь”, а не в тайное. Объясните: ежели действительно он принят в члены тайного общества, то когда и кем именно и не было ли при том свидетелей».

Свидетелей Оболенский назвать не смог. Таким образом, ни одной прямой улики против Грибоедова Следственный комитет не обнаружил и 25 февраля постановил его освободить (возможно, здесь можно увидеть прежде всего руку Паскевича). Однако на это последовала резолюция Николая I:

«Коллежского ассессора Грибоедова оставить пока у дежурного генерала».

Потянулись дни заключения. В них были свои удачи. Еще за несколько дней до допроса в Следственном комитете Грибоедов переслал записку Булгарину, объясняя, что арест его — лишь досадное недоразумение.

«Das Papier in's Feuer (бумагу в огонь). Фаддей, мой друг, познакомься с капитаном здешним Жуковским, nous sommes camarades comme cochous (мы с ним закадычные друзья), может быть, удастся тебе и ко мне проникнуть. Я писал к государю, ничего не отвечает».

Булгарин действительно свиделся с капитаном, когда — по слухам — стало известно о благоприятном для Грибоедова заключении Следственного комитета.

«Любезный друг! — писал узнику Фаддей Венедиктович, — береги свое здоровье, не мучься и не терзайся напрасно. Ты невинен, следственно, будешь освобожден в самом скорейшем времени, и одна только печальная церемония могла удержать течение дел. Почтеннейший Михаил Петрович расскажет тебе, что твое освобождение — вещь верная...»

Из газет Грибоедов знал уже о той церемонии, о которой упоминал Булгарин. Тело покойного императора Александра I было наконец доставлено в столицу и захоронено 6 марта в Петропавловском соборе. На какое-то время работа Следственного комитета поэтому прервалась. Паузу эту Грибоедов использовал. Капитан Жуковский сумел устроить его встречу с Булгариным. Последний рассказал об общем их знакомце Якове Ростовцеве, попавшем в случай, так как накануне восстания он сообщил о заговоре будущему императору. Так появилось на свет письмо Булгарина к Ростовцеву:

«Почтеннейший Яков Иванович. Представьте, кому следует и кому можно, что Грибоедов осмел в своей комедии и либералов, и тайные сборища, о которых, вероятно, по слуху только знал. Он даже не хотел вступать в Общество любителей российской словесности под председательством Ф.Н. Глинки, опасаясь, нет ли какой политической цели. Во время бытности Грибоедова в Петербурге он избегал знакомства с Рылевым, говорил, что он порет вздор и рассуждает о политике, как князь Енгальчев в своем лечебнике о медицине и проч. и проч. Что Грибоедов ненавидел Якубовича и стрелялся с ним».

Но в конце февраля в Ростове был арестован «купеческого звания» В. Сухачев. Образ его времяпрепровождения показался городничему крайне подозрительным, ибо вел Сухачев «жизнь самую уединенную, ни с кем не знался, а занимался только письмом

и чтением книг, имея при себе библиотеку в 600 томов». Желая выслужиться, городничий арестовал злоумышленника. При аресте у него обнаружили текст «страшной клятвы», алфавит для тайной переписки и несколько зашифрованных писем. На допросе выяснилось к тому же, что, во-первых, Сухачев служил некоторое время в Грузии, а во-вторых, проживал в Таганроге в те дни, когда там умер Александр I. О таинственном заговорщике эстафетой донесли царю. Скоро о нем услышал и Грибоедов.

15 марта его снова доставили в Петропавловскую крепость. Вопросы, предложенные Грибоедову, касались его связей с членами Южного тайного общества и таили в себе намек на то, что об этом многое уже известно. Впрочем, по особой настойчивости, с которой следствие добивалось сведений о знакомстве с неким Сухачевым, стало ясно, что новыми уличающими фактами Комитет не располагает. Ясно было и другое: усиленно искались связи тайных обществ с Кавказом. Грибоедов отвечал, что никаких поручений Рыльева он в Киеве не выполнял, что с Муравьевыми и Бестужевым-Рюминым встречался в присутствии дам, что Корниловича тогда не видел, а о Пестеле вообще ничего говорено не было и что, наконец, «не знаком с Сухачевым и никогда не слышал о его существовании» (впоследствии выяснилось, что Сухачев был арестован по вздорному подозрению: расшифрованные письма его оказались самого невинного содержания).

На следующий день, 16 марта, Грибоедова снова повезли в крепость. Вызов этот был не совсем обычен. Арестованного доставили в крепость сразу же пополудни, хотя Комитет заседал обычно вечером. Глаза Грибоедову на сей раз не завязывали, а провели сразу же к генерал-адъютанту Бенкендорфу. Он переспросил узника о вчерашних показаниях, кое-что уточняя в них. В Главный штаб было поручено проводить Грибоедова не жандарму, а А. Ивановскому. Разговор с ним по дороге, вероятно, внушил Грибоедову надежды. Вскоре он отправил записку Булгарину:

«Съезди к Ивановскому, он тебя очень любит и уважает; он член Вольного общества любителей словесности и много во мне принимал участия. Расскажи ему положение и наведайся, что меня ожидает. У меня желчь так скоплется, что боюсь слечь или с курка спрыгнуть. Да не будь трус, напиши мне, я записку твою сожгу, или передай сведенья Жандру, а тот перескажет Алексею, а Алексеев найдет способ мне сообщить».

В следующей записке к Фаддею Грибоедов пенял:

«Очень хорош и заботлив ты, Калибан Бенедиктович! Присылаешь ко мне Муханова, а не мог дать знать об отправлении в ночь фельдъегеря; таким образом, заготовленные мои письма остались в столе и будут лежать по твоей милости...»

Наверняка речь шла о письмах в Тифлис, которые мог бы вручить фельдъегерю Муханов, адъютант генерал-губернатора Петербурга Голенищева-Кутузова, члена Следственного комитета.

В одной из записок Грибоедова спрашивал у Муханова:

«Что слышно достоверного? Я послал к тебе надежного человека, пиши, не опасаясь быть скомпрометированным».

Пока Грибоедов под руководством Завалишина начал серьезное изучение высшей математики. Были и другие развлечения. Заключенным на гауптвахте Главного штаба разрешались вечерние прогулки под присмотром унтер-офицера; вместо этого капитан Жуковский водил Грибоедова и Завалишина в кондитерскую Лореды, на углу Невского и Дворцовой площади. Там узники, не торопясь, ужинали, после чего Грибоедов подолгу импровизировал на фортепьяно. Были и дальние прогулки. Однажды Грибоедов поднял с постели Жандра, явившись к нему со штыком в руках. «Откуда ты это взял?» – изумился Андрей Андреевич. — «Да у своего часового», – хладнокровно отвечал Грибоедов. — «По крайней мере, зачем?» — «Да вот пойду от тебя уже ночью, так оно, знаешь, лучше, безопаснее...»

Бывал, очевидно, Грибоедов и у Муханова, занимавшего номер в Демутовом трактире, по крайней мере, писал ему в одной из записок:

«Так как я нехорошо чувствую, то моя вылазка на сегодняшнюю ночь очень сомнительна. Может быть, — завтра. Пришли мне книг. Дружески обнимаю».

Николай I ожидал доклада князя Меншикова о результатах ревизии Кавказского корпуса. Может быть, император так никогда и не догадался, что поспешил поручить Меншикову столь ответственную миссию: князь, как и Ермолов, тоже был не без греха. Хорошо осведомленный А.И. Тургенев позже запишет в дневнике — кратко, но внятно:

«О М. Орлове, Киселеве, Ермолове и князе Меншикове. Знали и ожидали, “без нас не обойдутся”».

В мае месяце в столицу пришла, наконец, депеша от Меншикова. Он сообщал:

«Нравственное расположение войск, по всем сведениям, до меня дошедшим и по видимому мною, — весьма хороши, и буде есть люди, зараженные духом неповиновения и вольнодумства, то число их должно быть весьма ничтожно. Генерал Ермолов деятельным употреблением войск обращает их стремления на предметы служебные, и вообще разговоры офицеров между собою, равно как и нижних чинов, ограничиваются местным кругом их быта и действия. Статских чиновников, занимающихся политическими суждениями, не встречал в Тифлисе...».

В сущности, это был оправдательный документ для Грибоедова — хотя о нем здесь и слова не было. Вернее, именно поэтому.

31 мая, заканчивая дела, Следственный комитет возобновляет ходатайство об освобождении Грибоедова. На высочайшее утверждение снова подается резолюция, которую три месяца назад император придержал до доклада Меншикова:

«Коллежский асессор Грибоедов не принадлежал к обществу и о существовании оно не знал. Показание о нем сделано князем Евгением Оболенским 1-м со слов Рылеева; Рылеев же ответил, что имел намерение принять Грибоедова; но не видя его наклонным ко вступлению в общество, оставил свое намерение. Все прочие членом его не почитают».

Впрочем, «почитали» Грибоедова членом тайного общества также Н. Оржицкий и А. Бригген, но их свидетельства затерялись в ворохе следственных дел. В сущности, Следственный комитет, исполняя высочайшую волю, отработывал по отношению к Грибоедову только одну версию — как о связном между известными заговорщиками и Ермоловым. По сравнению с этим все остальное до поры до времени казалось маловажным, а потом уже не было времени в остальном разобраться. Александр I был похоронен, Николай I спешил в Москву на традиционный обряд коронации и сам торопил Следственный комитет закончить дела. Многим осужденным эта спешка обошлась дорого. Грибоедову же повезло. На заключении Следственного комитета Николай I наконец начертал: «Выпустить с очистительным аттестатом», а начальник штаба Дибич пометил, что было «повелено» произвести Грибоедова в следующий чин (надворного советника) и выдать ему «не в зачет» годовое жалование (как выяснилось, 250 червонцев).

2 июня Грибоедова освободили. 6 июня он в числе некоторых вчистую оправдавшихся был принят в Елагинском дворце императором. 9 июня Грибоедову был выдан так называемый «очистительный аттестат»:

«По высочайшему его императорского величества повелению Комиссия для изыскания о злоумышленном Обществе сим свидетельствует, что коллежский асессор Александр Сергеев сын Грибоедов, как по исследованию найдено, членом того Общества не был и в злонамеренной цели оно участия не принимал».

По распоряжению военного министра Грибоедов получил «прогонные деньги до города Тифлиса на три лошади за 2662 версты пятьсот двадцать шесть рублей сорок семь

копеек, да на путевые издержки, полагая по сту рублей на 1000 верст, двести шестьдесят шесть рублей 20 копеек, всего семьсот девяносто два рубля шестьдесят семь копеек».

О заключении Грибоедова в памяти современников сохранился экспромт:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово “раб”,
За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу.

В записной тетради Н. Путяты содержатся некоторые детали создания экспромта: Грибоедов начертал его на стене или на оконной раме, находясь под арестом.

Концовка экспромта, вероятно, имеет в виду Тайную экспедицию при Екатерине II, в которой истязания подследственных С. Шешковский сопровождал чтением акафиста Божией Матери «Иисусу сладчайшему, души утешению, Иисусу многомилостивому...»